

Рудяков А. Н.
РУСОФОНΙΑ И РУСИСТИКА В XXI ВЕКЕ

В этой статье я хочу вновь обратить внимание лингвистов на существование в мире огромной общности людей, общности языковой, общности, которую в зависимости от цивилизационных пристрастий можно назвать Русофония или Русоречие. Общности, которая интегрирует огромную часть нашего земного мира, формируя особое надгосударственное, наднациональное, надкультурное единство русофонов – людей, знающих, понимающих и использующих русский язык в своей деятельности.

Русофония ровесница русского языка. Ее размеры и структура варьировались в разные эпохи, в разные времена, но русофония существует с тех пор, как возник русский язык.

Название нашей статьи показывает, что речь в ней будет идти об обязанностях нашей науки по отношению к ее объекту. А что является объектом русистики? Вопрос не риторический, и ответ на него далеко не прост.

Повторим, что в мире существует русофония, или русскоязычное пространство, главным и единственным интегрирующим фактором которого является использование русского языка как средства осуществления социального взаимодействия. Это надгосударственный, наднациональный, надэтнический, надкультурный, надконфессиональный феномен, географические границы которого определяются только одним фактором: в этих границах звучит русская речь. И, следовательно, русофония – это языковая общность людей.

Конечно же, русофония, или русскоязычное пространство – термин не имеет особого значения, главное увидеть это явление и адекватно его понять – имеет свою структуру.

Очевидно, что центральной частью русофонии является Россия. К ядерной части относятся страны, в которых русский язык является одним из основных средств коммуникации – это Украина, Белоруссия, Казахстан и другие страны СНГ.

На периферии этого огромного пространства – группа африканских школьников, которые учат русский язык под руководством выпускников наших коллег – специалистов по русскому как иностранному.

Я хотел бы обратить особое внимание на то обстоятельство, что термины центр и периферия я употребляю не в значении столица и провинция, главное и второстепенное, лучшее и третьесортное. Центр, ядро и периферия – это равноправные части системы, выполняющие различные функции. Если ядро – это носитель качественной определенности системы, то периферия выполняет не менее важную функцию – она обеспечивает взаимодействие с другими «-фониями», то есть с другими языковыми мирами.

Русофония, или русскоязычное пространство, – объективно существующий феномен. Феномен, который должен изучаться лингвистической наукой. На данном этапе наших рассуждений мы приходим к вопросу о том, какая лингвистическая наука должна исследовать феномен русскоязычного пространства?

Ответ представляется очевидным: эта наука – русистика.

Итак, русистика – это наука о русофонии. Русофония – объект русистики.

Велик соблазн остановиться на этом определении, ведь это так присуще нашему языковедческому мышлению: лиловый – светло-фиолетовый, фиолетовый – темно-лиловый.

Но попробуем по необходимости хотя бы эскизно определить то, какие основные проблемы должны были бы заинтересовать русистику как науку о русофонии.

Прежде всего – это описание русского языка как главного и единственного интегрирующего фактора русофонии.

Каким этому описанию быть – вопрос сложный и дискуссионный. Во всяком случае, нам следует вспомнить об уроках, данных нам историей лингвистики: соблазн свести языковые факты к тем или иным схемам, вместо того, чтобы дать адекватное описание этих фактов, всегда был велик.

Вторая проблема – это признание существования национальных вариантов русского языка, необходимо возникающих под воздействием экстралингвистических факторов.

Здесь я с огромным удовольствием процитирую «Словарь социолингвистических терминов» под редакцией Виды Юозовны Михальченко: «национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [2, с. 35].

Хотелось бы, чтобы в качестве примера национальных вариантов мы приводили и варианты русского языка, существующие в России, Украине, Белоруссии, Казахстане и т. д.

Как представляется, внимательное и адекватное отношение к принципиально присущему естественному языку свойству существовать в форме множества вариантов заставило бы нас наконец-то отказаться от одного из самых стойких окололингвистических мифов – мифа о том, что любое взаимодействие языков, взаимодействие, ставшее обыденным делом в эпоху глобализации, приводит к «порче» «чистых», «идеальных», «правильных» языков.

Сетования по поводу «порчи» русского языка являются беспроектным рекламным, педагогическим, популистским ходом.

Великий и могучий русский язык «портят» столетиями, начиная с Петра Великого, а может быть и раньше. А он все остается великим и могучим как по причине своего действительного величия, так и потому, что «порча» при ближайшем рассмотрении оказывается явлением совсем иного плана...

Как представляется, наступил век, когда русистика должна изменить свою оценку взаимодействия русского языка с другими языками.

Попробую пояснить свою позицию.

Не будет преувеличением, если я скажу, что все существующие на Земле естественные языки участвуют в некоем глобальном состязании, победитель которого станет тем языком, на котором будут говорить земляне в далеком будущем. Точнее сказать, победители, потому что, по моему глубочайшему убеждению, таких языков

будет не один, а несколько. Более того, круг потенциальных претендентов человечество уже определило, выбрав несколько мировых языков.

Это состязание существует объективно, и все языки вольно или невольно принимают в нем участие. Возникает вопрос, а что делать тем языкам, которые по разным причинам не стали и не станут мировыми? Есть ли у них выбор, или их судьба predetermined?

Несомненно, есть, потому что процесс сокращения числа языков, обслуживающих потребности землян в далеком – подчеркиваю – далеком будущем, не должен быть процессом уничтожения языков, поглощения языков, забвения языков.

Вильгельм фон Гумбольдт говорил, что каждый язык есть попытка духа найти идеальный способ своего выражения [1]. Не использовать опыт языковых коллективов было бы просто расточительно.

Поэтому все языки мира должны в этом глобальном процессе формирования мировых языков быть не поглощаемыми объектами, а партнерами.

Несомненно, что русский язык – язык мировой. У меня нет сомнений в том, что именно он войдет в число всеземных языков будущего. Но будет ли это тот язык, который мы объявляем каноном и защищаем от любого взаимодействия с иными языками, привычно объявляя их «порчей»?

Уверен, что нет.

Хотелось бы остановиться на некоторых следствиях предлагаемой концепции русофонии для украинской русистики.

Как представляется, нашей первоочередной задачей является изучение и описание украинского варианта русского языка. Здесь возникает много увлекательнейших вопросов, на которые, насколько мне известно, у нас нет ответов.

Во-первых, глубина, мера или степень вариативности. Надо понять, какой термин здесь более подходит, и каким образом эту глубину, меру или степень определять. У нас сегодня, насколько я знаю, инструментария для таких исследований практически не существует. Неясно, каким образом эту степень сопоставить с аналогичными данными по другим национальным вариантам, по другим странам.

Во-вторых, степень вариативности по языковым подсистемам.

Априори ясно, что в наибольшей степени варьируется лексика, и это абсолютно закономерно. Хотя для меня лично было неким потрясением понять, что лексическая система русского языка в России и Украине варьируется достаточно заметно. Я благодарен Людмиле Алексеевне Кудрявцевой за приглашение быть оппонентом на защите диссертации ее аспирантки, которая была посвящена неологизмам в современном русском языке. Именно в ходе знакомства с фактическим материалом, собранным диссертанткой, я осознал, что через 15 лет раздельного проживания в двух сопредельных государствах мы пришли к такому положению вещей, что то, что является неологизмом в украинском варианте русского языка, давно не неологизм в России.

В-третьих, мы должны определить, где проходят границы русофонии как мира, творимого русским языком; соседством каких языков эти границы определяются, составить некий каталог наших соседей, наших партнеров по языковому взаимодействию.

В-четвертых, переосмыслить наше отношение к такому интереснейшему явлению как «суржик». Я понимаю, что сказав это, я провоцирую праведный гнев блюстителей чистоты как русского, так и украинского языков. Но я не призываю говорить на суржике, я не призываю быть безграмотным и не знать норм каждого из этих языков.

Я призываю изучать это интереснейшее для лингвиста явление. Я призываю разграничить те явления в суржике, которые обусловлены малограмотностью, и те явления, которые обусловлены возможностью для носителя двух языков выбирать самые удачные номинации, самые комфортные способы выражения грамматических значений... Если в речи 48 или 49 миллионов человек проявляется постоянная черта, то ее легче всего назвать ошибкой и порчей, но будет ли это ошибка и порча? Еще раз повторю: я против пренебрежения нормами литературного языка.

Но в равной степени я за внимательное и беспристрастное исследование того явления, которое мы несправедливо именуем «суржи́ком». Для этого феномена нужно искать иной, более уважительный способ именования.

Итак, смысл нашей позиции предельно прост. Как просто, по мнению философов, решения основных проблем нашего времени. Более того, некоторые из них даже элементарно просто. Проблема в одном: они требуют радикального сдвига в наших представлениях, в мышлении, в системе наших ценностей...

Русистика должна стать наукой о русофонии – мире, творимом русским языком. Нам следовало бы признать, что «русскоговорящий» как свойство личности не предполагает тождество национальности, то есть культуры, отечества. Это иной вид общности людей, вид, приобретающий едва ли не решающее значение в эпоху глобализации, разрушающей «старые» идентичности и творящей новые.

Нельзя недооценивать меру внутреннего единства такого творимого языком мира прежде всего потому, что язык – это орудие власти, язык – это орудие воздействия на сознание человека.

Кстати, интересно сравнить нынешнюю ситуацию с ситуацией, которая существовала в средние века и которую хорошо знают специалисты по истории языкознания. В средневековые ойкумена была поделена на несколько миров, границы которых определяло то, какие религиозные тексты использовались для богослужений. Эти границы объединяли разные народы, разные культуры. В этих границах вместе были Византия и полудикое племя кочевников... Интегрирующим фактором был религиозный текст.

Интегрирующим фактором русофонии есть русский язык. Русистика это наука о русофонии.

Русистика должна отказаться от своего пребывания в башне из слоновой кости, пытаясь законсервировать русский язык как санскрит. Русистика должна быть наукой, ориентированной на внешние связи русского языка с другими языками.

Сохранение и соблюдение чистоты русского языка дело благодатное. Однако при этом нельзя оставлять без внимания такое свойство языка как изменчивость.

Интересное наблюдение сделала одна из наших коллег во время коллективного обсуждения резолюции конференции «Русский язык в поликультурном мире». В проекте резолюции был такой пассаж: «присвоить русскому языку статус другого государственного языка». Слово «другого» было убрано из текста по смысловой причине. Интересно, однако, то, что это слово в данном контексте – явно итог украинского влияния: «другий» в украинском означает «второй». Примечательно, что автор этого проекта – человек, истово ратующий за необходимость блости чистоту русского языка и оберегать его от влияний.

Находясь внутри своих вариантов русского языка, мы не замечаем расхождений в лексике. Обнаружив их, мы удивляемся, но понимаем, что разница достаточно заметна. Например, в беседе с О. С. Иссерс я узнал, что в российских школах есть предмет, который называется «Обществознание». Слово, как представляется, абсолютно непривычное и незнакомое для носителей украинского варианта русского языка.

Смысл предлагаемых изменений в понимании объекта русистики заключается в том, чтобы признать несомненный факт: русскоязычный мир есть составная часть глобальной метасистемы, часть, необходимым образом взаимодействующая с другими компонентами языковой составляющей ноосферы.

В том, чтобы сместить вектор внимания русистики в сторону от исследований, в центре которых – русский литературный язык среди разнообразных территориальных, социальных, национальных вариантов. Несомненно, что задача описания и кодификации русского языка у русистики остается, но она не является единственной и исключительной.

Если для первой цели идеален моноязычный человек, то для второй просто насущно необходим полилингв, способный к осознанному отношению к взаимодействию языков, способный трезво оценивать языковые формы с точки зрения их практичности в плане выражения содержания.

Необходимо отдавать себе отчет, что гонка языков за выживание в разгаре. И чем более интернациональным будет отдельный национальный язык, чем больше он впитает в себя оптимальных способов выражения смысла, тем выше его шансы на продолжение функционирования в нашем будущем...

Литература

1. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
2. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

Ананко Т. Р.

СТИЛІ КЕРІВНИЦТВА ЯК МОДЕЛІ ВЕРБАЛЬНОЇ ПОВЕДІНКИ У КОРПОРАТИВНОМУ ДИСКУРСІ

У межах корпоративного дискурсу (КД) розглядається поняття лідерства (leadership) і стилів керівництва (management styles) як моделей вербальної поведінки [1, с. 2]. В західному діловому світі, де конкуренція посідає важливе місце у шкалі цінностей, де індивідуальні досягнення особистості є головним фактором на шляху до успіху, поняття лідера як керівника у корпоративному оточуванні має особливе значення. В роботах з менеджменту й організаційної поведінки, як правило, розмежують поняття *лідер* й *керівник*. Семантика слова *лідер* позначає зверхність одного індивіда над іншим [3, с. 31], індивідуалізм підприємця. Слово *керівник* використовується для позначення людини, яка втілює колективну волю і є продуктом співробітництва [4, с. 92]. В нашому дослідженні під словом лідер, ми розуміємо особистість, яка очолює компанію або підрозділ компанії, володіє здібностями залучати членів корпоративної команди до необхідних проектів, встановлює характерні засоби впливу на організацію виробничого процесу й корпоративної діяльності, що безпосередньо впливає на формування загальних тенденцій у корпоративному спілкуванні.

Процес керівництва завжди виявляється в особливій манері й способі поведінки керівника у стосунках з персоналом, що встановлює певний стиль керівництва. Останній впливає на особливості корпоративної комунікації, форму розпоряджень й звернень, засоби поширення інформації, методи схвалення рішень [5, с. 173]. Визначають різні стилі керівництва, класифікація яких може незначно варіюватися. Ми зосередимось на директивному (directive) та демократичному (participative) стилях, які репрезентують поширені моделі вербальної поведінки керівника у КД.

Американське суспільство історично декларує прихильність до демократичних принципів, що відображається в основних засадах організації корпоративної діяльності та особливостях стилів управління керівників компаній. Директивний стиль керівництва втратив свої позиції за історію менеджменту й вважається неефективним [6]. Більш популярним сьогодні є демократичний стиль, який передбачає командну роботу й партнерські відносини. Але незважаючи на це, американці сприймають оточуючий світ як сукупність закономірностей, які можна прогнозувати [7, с. 31]. Тому в корпоративному контексті спостерігається організація чіткої структури компанії, дотримання ієрархії між органами управління та жорстка регламентація посадових інструкцій, які надаються працівникам і використовуються як критерій оцінювання їхньої діяльності. В американській культурі з високим рівнем конкурентного змагання успіх асоціюється з проявом «чоловічих» рис [8, с. 172], тобто наполегливістю, цілеспрямованістю, певним ступенем агресивності у конкурентному протистоянні. Керівники компаній, як правило, демонструють ці якості у вирішенні актуальних проблем. Зазначають, що еволюція влади й прояви авторитарності полягають не стільки у примушенні або покаранні, скільки у легітимізації сили у вигляді права, управління поведінкою людини за допомогою слів [9, с. 38].

При директивному стилі керівництва перевага надається вказівкам керівника, які підлеглі зобов'язані неухильно виконувати. В компаніях з авторитарною культурою спостерігається однобічний вектор спрямованості комунікації «зверху вниз», що фактично свідчить про «механічну роль» працівників, які розглядаються як інструментарій у реалізації корпоративних цілей. Очевидно, що ініціативність і новаторські ідеї з боку працівників не схвалюються керівником, а іноді сприймаються як порушення корпоративних правил.